

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ЛБ 41 -
26

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

*

И М Е Н И

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

КРАТКИЕ
СООБЩЕНИЯ

182
XXXIV

919/5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1960

Г. П. ВАСИЛЬЕВА, А. ДЖИКИЕВ

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ

Западная Туркмения (Казанджикский, Красноводский, Гасан-Кулийский, Кизыл-Атрекский и Кара-Калинский районы) — это особый этнографический район, население которого до сих пор сохраняет своеобразие в хозяйстве, быту и культуре. В прошлом эта территория иногда называлась Иомудистаном, так как ее населяли главным образом туркмены-иомуды, вошедшие в качестве одного из основных компонентов в состав туркменской нации.

Не останавливаясь подробно на родоплеменном делении иомудов, которое в настоящее время не имеет почти никакого значения в быту населения¹, мы должны все же дать его общую характеристику.

В Западном Туркменистане проживает лишь часть иомудов, остальные населяют Ташаузскую область Туркменской Советской Социалистической республики. Их территориальное разделение соответствует в целом и родоплеменному: в Западной Туркмении живет одно из двух подразделений племени иомуд — кара-чока, а в Ташаузской области другое — байрамшали. Кара-чока делились на две группы — атабай и джафарбай, а последние на множество более мелких родовых групп.

В целом ряде работ как дореволюционных авторов (Бодэ, Карелин, Огородников и др.), так и советских (Г. И. Карпов, М. Сенджаби, М. Рубин и др.) приводятся данные о расселении туркмен-иомудов на территории Западного Туркменистана и их родоплеменном делении.

Эти сведения, сохранившие известную ценность и в наши дни, отчасти уже устарели, так как часть туркмен-иомудов осталась за рубежом в связи с закрытием в годы Советской власти границы с Ираном. Картина расселения потомков этих родоплеменных групп в ТССР изменилась в 1930—1940-е годы, в период коллективизации и в связи с ростом промышленных центров (Небит-Даг, Кум-Даг, Челекен, Красноводск и др.), в которых живет значительное число бывших скотоводов.

В настоящее время население размещено следующим образом: джафарбайцы живут на западных окраинах Туркменистана, вдоль побережья Каспийского моря и в примыкающих к нему степях — на территории от колодцев Чагыл (к северо-востоку от Красноводска по пути к Хорезмскому оазису) до государственной границы с Ираном по р. Атреку и далее в Иране вдоль побережья, до р. Кара-Су.

¹ Родовое деление помнят главным образом старики и в особо торжественных случаях (приглашая гостей на свадьбу, празднование рождения внука и пр.) учитывают свое генеалогическое родство.

Атабайцы располагаются к востоку от джафарбайцев; границы их расселения проходят на севере по Узбою и заунгузским Кара-Кумам, на юге — по Атреку и Сумбару. В Иране туркменские роды, близкородственные атабайским, обитают далее на юг от границы СССР до р. Гюрген.

В Кара-Калинском районе среди племени гокленов издавна живут представители иомудов байрам-шали — роды окуз и салак, а также иомуды-джафарбайцы — бегельке и каррови; западнее, среди атабайцев на Атреке встречаются потомки рода машрык.

На востоке граница иомудов с племенем текинцев и южнее с гокленами проходила по линии Кызыл-Арват — Кара-Кала. В центральных районах указанной выше территории атабайцы и джафарбайцы занимали иногда общие, иногда близко расположенные друг к другу и заходящие на территорию другого рода колодцы.

Жители юго-восточного побережья Каспийского моря издавна известны под именем огурджали, но входили в состав иомудов джафарбайцев. К северу от них (севернее Красноводска) живут туркмены игдыр, шихи, а также казахи.

Среди джафарбайцев в районе Б. Балхан и севернее живет небольшая группа туркмен-эрсари. Они сейчас слились с иомудами и ничем от них не отличаются по культуре, однако помнят свое происхождение и родовую принадлежность.

Природные условия края оказали значительное влияние на развитие отдельных отраслей хозяйства Западной Туркмении. Пустынные пространства, покрытые разнообразной растительностью, большое число колодцев, с близко стоящей соленой и пресной водой — все это способствовало развитию скотоводства как основного занятия населения. Земледелие вследствие скудности водных источников было развито слабо и имело самостоятельное значение только на юге, вдоль р. Атрек и у населения Кара-Калинского района. Жители побережья занимались рыболовством. Скотоводы разводили овец и верблюдов. Крупный рогатый скот разводили оседлые туркмены на Атреке и Гюргене. Коневодство не было широко распространенным занятием.

Скотоводы (*чарва*) кочевали со скотом, меняя свои стоянки у колодцев по мере использования пастбищ и в зависимости от сезона. Мелкий рогатый скот в большинстве случаев объединяли в стада по 500—600 голов в каждом и выпасали с пастухами. Верблюды, как правило, выпасались без пастухов, но богатые скотоводы, имевшие несколько десятков, а иногда и сотен голов верблюдов, объединяли их в стада, поручая выпас пастухам. Как джафарбайцы, так и атабайцы наряду со скотоводством занимались и земледелием.

Полевые работы 1958 г., а также изучение ашхабадского архива (сельскохозяйственная перепись 1914 г.) дали интереснейшие материалы о комплексности хозяйства у западных иомудов — группы, которая традиционно считается в числе наиболее «чистых» кочевников. Во всех племенных группах джафарбайцев и атабайцев (последние по своей культуре считались более отсталыми) удельный вес земледелия был одинаковым. Меньше всего с земледелием были связаны зажиточные скотоводы, более других — бедняки.

Земледелие у иомудов, по-видимому, ведется с давних пор, с момента их прихода на занимаемую территорию, а не является результатом оседания. Наш материал подтверждает выводы Т. А. Жданко о том, что лишь недостаточная изученность хозяйственного уклада позволяла историкам делить все население Средней Азии и Казахстана на кочевников и земле-

дельцев и рассматривать полуоседлое население только как «оседающих кочевников»². Удельный вес скотоводства и земледелия у иомудов менялся в зависимости от природных условий.

Как правило, хозяйства скотоводов, кочевавших к северу от железной дороги, были менее связаны с земледелием, так как здесь не было орошаемых земель³. Основная масса этих скотоводов кочевала в сравнительно небольшом радиусе (40—50 км) вокруг своих колодцев, и лишь наиболее зажиточные из них, имевшие большое количество верблюдов и мелкого рогатого скота, в холодные зимы спускались на юг в бассейн р. Атрек. Значительное число местных скотоводов занималось также и земледелием, производя посевы под дождь на такырах. В хорошие годы обходились своим хлебом, в малоурожайные или неурожайные покупали зерно в оазисах. На такырах разводили также бахчевые культуры. Такие посевы были распространены и в других районах Западного Туркменистана, но они везде зависели от количества зимних и весенних осадков. На западе, в районе Б. Балхан, разрабатывались кяризы⁴.

От этих скотоводов отличались по характеру ведения хозяйства живущие к югу от железной дороги атабайцы и еще в большей степени джафарбайцы. Радиус их кочевания был значительно больше. Поднимаясь летом далеко на север, к колодцам, расположенным у железной дороги, они зимой возвращались к Атреку, а иногда переходили его, продвигаясь дальше на юг. Большое число их сородичей занималось земледелием в бассейне Атрека. Самые богатые скотоводы обычно не имели посевов на Атреке, а если имели, то сами непосредственно не были связаны с обработкой земли и сбором урожая, поручая это своим бедным сородичам, находившимся от них в экономической зависимости или, что еще чаще, сдавая землю в аренду. Большая же часть скотоводов-середняков осенью, после возвращения с летовок, сеяла на Атреке пшеницу, ячмень и бахчевые культуры. В начале лета кочевники выделяли из своих хозяйств людей для сбора урожая и отправки его к своим колодцам. Одним из наиболее распространенных у джафарбайцев способов доставки урожая на летовки была перевозка его по морю на больших плоскодонных лодках *нау*.

От этой группы по направлению кочевания отличалась часть атабайцев, проводившая зиму близ гор, к югу от железной дороги (в районе Казанджика — Кызыл-Арвата), возле источников, и на лето уходившая на юг к Атреку или в глубь песков. Они также имели посевы зерновых, бахчи и, в отличие от первых двух групп, сеяли зерновые на *ойтаках* — низинах между склонами гор. Для увлажнения почвы устраивали плотины — *бенг*, которые задерживали на поле весенние силевые воды, бегущие с гор. Таким же образом увлажняли почву живущие в долине Сумбара и Чандыря иомуды (здесь такие участки назывались *совма*).

Иомуды, живущие в бассейнах Чандыря и Сумбара, как правило, не кочевали на большие расстояния, радиус перекочевков их основного ядра

² Т. А. Жданко. Патриархально-феодальные отношения у полуоседлого населения Средней Азии. «I Всесоюзная конференция востоковедов (Тезисы докладов и сообщений)». Ташкент, 1957, стр. 209—210. Об оседлой жизни части иомудов свидетельствует историк начала XIX в. Мир Абуль-Керим Бухарский («Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II. Л., 1938, стр. 203). Давность занятия иомудов земледелием косвенно подтверждает наличие категории владельческих земель на Атреке (Центральный государственный архив МВД Туркменской ССР, далее ЦГА ТССР), ф. 1, оп. 2, д. 4753, лл. 1—18).

³ Однако их сородичи, живущие к югу от железной дороги или на Атреке, земледелием занимались не меньше, чем другие группы живущих там туркмен.

⁴ О земледелии в районе Балхан см. А. Оразов. Земледелие прибалханских туркмен («Известия АН Туркменской ССР», 1960, № 1).

был ограничен прилегающими к долинам рек горами, куда на лето отгоняли скот. Богатые скотоводы, так же как и в других районах, уходили зимовать на Гюрген.

Наряду с указанными выше способами земледелия почти все группы скотоводов и жители побережья выращивали бахчевые культуры у колодцев, в траншеях. Особенно хорошие результаты давали посевы бахчевых у колодцев, расположенных недалеко от побережья⁵. Почти все земельные поливные участки уже в XIX в. были частновладельческие. Общинные поливные земли сохранялись у ак-атабайцев на Атреке⁶.

В конце XIX — начале XX в. наряду со скотоводами-чарва на Атреке существовало постоянное оседлое население *чомуры*, основным занятием которых было поливное земледелие, что не исключало разведения скота.

В стадах у чомуров преобладал крупный рогатый скот, численность которого в некоторых богатых хозяйствах джафарбайцев, по данным сельскохозяйственной переписи 1914 г., достигала 150—200 голов⁷. У жителей побережья скотоводство было подсобным занятием. Такой же характер носила охота, которой занимались не только прибрежные жители, но и все остальное население края. Удельный вес охоты в хозяйстве юго-западных туркмен был значительно выше, чем в других районах Туркмении. Охотились на птиц и степных животных с гончими собаками (*тазы*) и ловчими птицами. Чаще всего для охоты приручали сокола-балобана (*ительгуи*). На побережье водоплавающих птиц ловили при помощи сетей (*дарадан*).

Несмотря на давность занятия земледелием, способы ведения хозяйства были весьма примитивными, особенно у туркмен-атабайцев (у чомуров и чарва они были одинаковыми). Не везде и не всегда посевы проводились по вспаханному полю, поливы осуществлялись обычно сильным заливом поля водой. Орудия обработки были такими же примитивными, как и в остальных районах Туркмении: старинный деревянный *азал*, используемый иногда без чугунного лемеха, серп *орок* и волокуша *хиза*, широко употребляемая иомудами для перевозки снопов с поля на ток (*харман*).

Как и в земледелии, так и в скотоводстве очень четко прослеживалась роль родовых традиций. Еще в 1920-х годах род был реальной единицей в хозяйственной и общественной жизни, хотя в целом родовое расселение было нарушено и отдельные мелкие родовые группы жили вперемежку.

Многие крупные роды атабайцев и джафарбайцев владели определенными пастбищными территориями, пользоваться которыми могли только принадлежащие к этому роду хозяйства. Колодцами, как правило, владели отдельные лица⁸, хотя наряду с ними были и такие, которые считались собственностью родовой группы. Практически же они использова-

⁵ См. И. Стебницкий. Заметки о Туркмении. Тифлис, 1871, стр. 15; М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868, стр. 40.

⁶ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 4753, лл. 3—4.

⁷ ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. № 42, 45 и др.

⁸ Сведения о принадлежности колодцев отдельным лицам имеются и для XIX в. «Права пользования ими (колодцами.— Г. В., А. Д.) принадлежат первоначальным хозяевам или арендаторам их. Случается, что откочевавший от такого колодца туркмен засыпает его до своего возвращения» («Обзор Закаспийской области за 1891». Ашхабад, 1892, стр. 43). Вопрос о владении колодцами рассматривался в выступлении А. Карыева на сессии, посвященной вопросам истории народов Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода («Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 68—71).

лись родовой верхушкой, владевшей большим количеством мелкого рогатого скота и верблюдов.

Сведения о родоплеменном делении помудов накануне революции (и сразу после нее) и сравнение списка родов этого периода с имеющимися

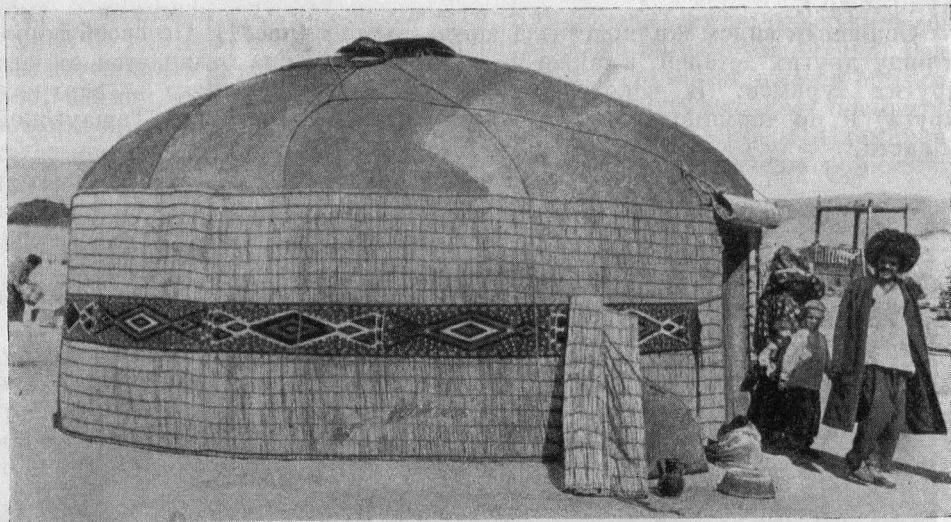

Рис. 1. Юрта *гара ой*. Сел. Курбан-сейит Кызыл-Атрекского района

в литературе материалами по этому вопросу, относящимися к более раннему периоду, позволяют сделать вывод о продолжавшемся почти до наших дней процессе «родообразования», — процессе, объясняемом сохранением патриархально-феодалных отношений и вызванном общими условиями ведения экстенсивного хозяйства. Процесс «родообразования» в условиях развитого классового общества отличался от аналогичного процесса, характерного для первобытнообщинного строя, своей классовой сущностью — новые роды выделялись из наиболее сильных экономических родов. Иногда незначительные и неизвестные роды становились сильными благодаря богатству и знатности их главы. Так, в последние десятилетия XIX и в начале XX в. из рода кор выделился и усилился род экарем, названный так по местности, расположенной к северу от Чекишляра.

К новому сильному роду обычно примыкали отдельные хозяйства «чужаков» — представителей других родственных, а иногда и посторонних родов, потомки которых после седьмого колена становились полноправными членами рода.

Все это свидетельствует о стойкости родовых традиций, пережитки которых сохранились до наших дней у всех туркмен, но особенно четко у западных в силу сохранения у них до последнего времени полукочевой хозяйства⁹.

Основным видом поселения туркмен до начала коллективизации был кочевой аул, состоявший, как правило, из группы родственных хозяйств. Величина и место расположения аула менялись в различные сезоны и в

⁹ См. выступление С. П. Голстова в 1954 г. («Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент. 1955, стр. 556, а также А. Бернштам. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии. «Советская этнография», 1934, № 6, стр. 113.

значительной мере зависели от количества водных источников. Так, например, в северной части рассматриваемого района зимой аулы состояли из трех — семи хозяйств, расположенных в укрытых от ветра ложбинках, летом доходили до 40—60 хозяйств. Были аулы, состоящие из двух-трех хозяйств, и аулы по Атреку, насчитывающие 200 хозяйств и более (Гасан-Кули и др.).

Основным видом жилища была юрта—*гара ой* (рис. 1). По своей форме и ряду других деталей, а также по терминологии она отличается от юрт других туркмен. В некоторых деталях (форма *туйнука* — верхнего круга) и по терминологии она отлична и от юрты иомудов Ташаузской области.

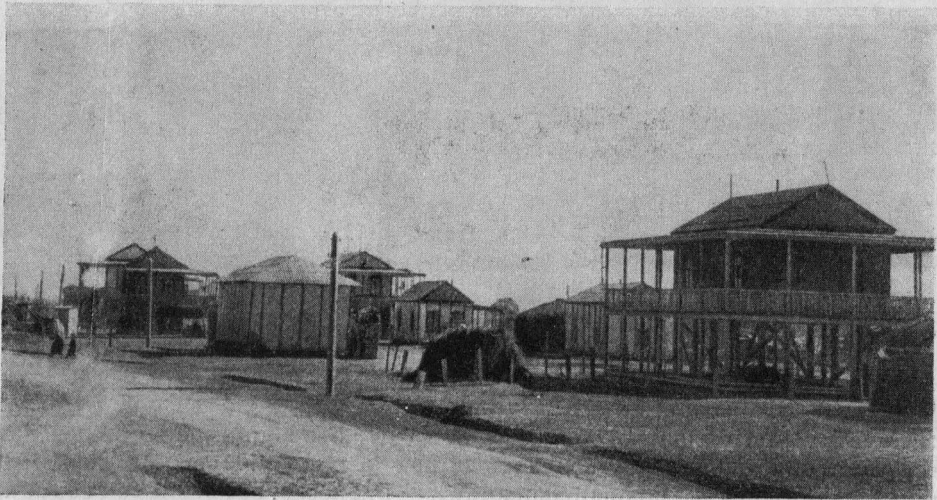

Рис. 2. Дома в сел. Карадегиш Гасан-Кулийского района

Иомудская юрта всегда четырехканатная (*ганат* — решетка остова), но в зависимости от состоятельности ее владельца, а также от той или иной потребности, она может с 66 *ук'ов* (жерди купола) уменьшаться до 54, что достигается надвиганием решеток одна на другую.

Развитие оседлого жилища в обследованном районе проходило по-разному. На побережье оно появилось в конце XIX в., причем первыми мастерами были астраханские плотники, на Атреке, Сумбаре — в 30-е годы нашего века. Совсем недавно стали возводить постоянные дома у колдцев в пустыне.

По типам жилища всю территорию можно разделить на два района: 1) побережье и селения по Атреку в пределах Гасан-Кулийского района и 2) остальная часть юго-западной Туркмении. В первом районе дома возводят из досок; к северу от Чекишляра их обмазывают сверху глиной. Первоначально эти дома (рис. 2) строили на сваях, теперь в южных селениях пространство между сваями, как правило, занято жилым или хозяйственным помещением, таким образом создаются двухэтажные дома. Крыши — двускатные, крытые шифером или железом. Вокруг всего второго этажа идет крытая терраса *саяван*. В верхнем этаже обычно расположены две смежные комнаты, имеющие отдельные выходы на террасу.

Дома ориентированы выходом на юг. Комнаты расположены на запад и на восток друг от друга и называются соответственно *ашакы ой* и *екаркы*

ой (первая обычно бывает парадной)¹⁰. В домах, где жилые помещения расположены в двух этажах, в нижнем этаже обычно живут старики, вверху — семья сына.

В сел. Чалаюк Гасан-Кулийского района (ныне центр одноименного сельсовета и колхоза «Коммунизм») широко распространен еще один вид дома — *камышлы там* или *экезлы там*. Как показывает само название, он сделан из камыша, в изобилии произрастающего по берегам Атрека. Редкий деревянный каркас заполняют камышовыми связками, а затем обмазывают глиной, смешанной с саманом, и белят. Некоторые дома оцементированы, крыши таких домов двускатные из железа или шифера. Планировка домов обычная для этого района — две комнаты (или одна комната и прихожая), расположенные так же, как в домах на сваях, на запад и восток друг от друга.

По словам наших информаторов, камышлы там стали строить в конце 1930-х годов из-за отсутствия другого материала. Теперь, когда для жилых домов привозят лес, камышовые постройки используются в качестве хозяйственных.

На остальной территории края строительство постоянных домов было связано с процессом коллективизации и с проходившим в связи с ней оседанием скотоводов. Исключение составляют имуды Кара-Калинского района, которые под влиянием гокленов стали жить в домах значительно раньше. Массовое строительство домов развернулось уже в послевоенные годы. Дома строят из сырцового кирпича обычно с плоской крышей и одной или двумя комнатами (три-четыре комнаты встречаются как исключение); их штукатурят и красят в белый цвет. Своеобразно внутреннее устройство жилища. На всей обследованной территории мы находим угловые полочки — *бурчтеге*, на которые обычно ставят красивые пиалы и чайники или какие-нибудь хозяйственные предметы. Много перенесено в дом из помудской юрты, отличавшейся в прошлом своим убранством от других туркменских юрт (в частности, деревянные резные шкафчики-подставки для постельных принадлежностей — *талер*).

Еще путешественники XIX в. (Бодэ и др.) отмечали у имудов на Атреке легкую постройку на столбах, которая называлась *талар*. Здесь

Рис. 3. Молодая женщина в праздничном наряде. Сел. Кызыл Кара-Калинского района

¹⁰ А. Джикиев. Поселения и жилище туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX — начале XX в. «Советская этнография», 1957, № 4.

летом отдыхали и спали. Сейчас двухэтажные тэлар широко распространены по всей территории расселения иомудов. Везде, кроме побережья, наряду с оседлым жилищем имеются юрты.

Своеобразием отличаются и другие области материальной культуры иомудов, в частности их одежда. Наряду с общими для всех туркмен элементами костюма у западных иомудов сохраняется много черт, присущих только им, иногда заимствованных, иногда древних, самобытных. Оригинальна верхняя женская одежда *зена-на гейим* или *чабыт* — с короткими, до локтя, рукавами, иногда с треугольным язычком, спускающимся ниже локтя, обычно отогнутым и пристегнутым к плечу. Халаты украшены серебряными пластинками. Обращают внимание длин-

Рис. 4. Атабайка в национальном головном уборе. Сел. Суйджи-Хурмен Кызыл-Атрекского района

Рис. 5. Девушка в национальной одежде. Сел. Суйджи-Хурмен Кызыл-Атрекского района

ные до пояса разрезы по бокам, также украшенные серебряными пластинками, образующими рисунок в виде рогов, и застегнутые на две-три пуговицы (рис. 3). Особенно интересен женский головной убор. Повседневный состоит из тюбетейки с повязанным поверх нее платком. Способ повязывания платка *алынданы* у атабайцев и джафарбайцев различен: у атабайцев свернутый платок повязывают узлом на лбу, концы затыкают вверху спереди за платок (рис. 4); у джафарбайцев из платка спивают обруч. Поверх алынданы накидывали шелковый или шерстяной клетчатый платок *чаргат* или *чэшов*. В городах и кое-где в селениях джафарбайки часто носят просто платок, наброшенный на голову, но обычно надевают алын-

даны, а сверху набрасывают платок. Старинный женский головной убор — *хасава* — общий для всех иомудов, сейчас уже вышел из употребления. Однако он еще бытовал здесь в 1920-х годах, а в Ташаузской области даже в более позднее время. В последний период распространения хасава ее назначение у джафарбайцев и атабайцев было различно: у джафарбайцев, по нашим полевым и литературным данным, это был праздничный голов-

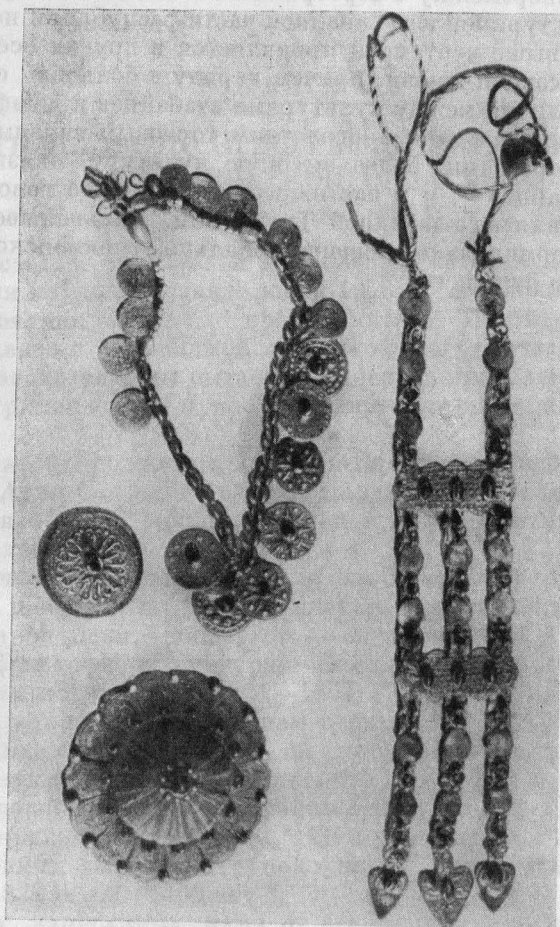

Рис. 6. Женские серебряные украшения:
Сел. Кызыл Кара-Калинского района

ной убор, который носили молодые женщины после выхода замуж в течение нескольких лет (четыре-пять в одних местах, до рождения первого ребенка — в других)¹¹; у атабайцев хасава носили молодые женщины только в период *кайтармы*, т. е. во время пребывания в доме отца и снимали ее после возвращения в дом мужа.

Весьма своеобразна вышивка иомудов, обычно встречающаяся на детских, девичьих и мужских тубетейках и по нижнему краю женских шта-

¹¹ Ташаузские иомуды носили хасава также в течение трех — пяти лет, надевая ее сразу же после возвращения (*кайтарма*) в дом мужа. Об этом см. также «Туркмены иомудского племени». «Военный сборник», т. LXXXIII. СПб., 1872, стр. 77.

нов (рис. 5). Она отличается по характеру узора и расцветке не только от текинской, но и от вышивки ташаузских иомудов.

Столь же оригинальны различные женские серебряные украшения с мелкими золотыми бляшками по серебру (рис. 6). В настоящее время широкое распространение получили крупные красные и желтые бусы (*хунджи*) под янтарь, которые покупают в магазинах, женщины носят их перенизанными попеременно с серебряными монетами и амулетами.

Самобытность туркмен юго-западной части республики не исчерпывается отмеченными выше чертами и проявляется в других особенностях материальной и духовной жизни, причем наряду с большой общностью наблюдаются и различия между культурами атабайцев и джафарбайцев. Последние, имеющие благодаря многолетним торговым связям и общению с соседними государствами, более высокую культуру, оказывают большое влияние на атабайцев¹², и в настоящее время можно говорить о единой культуре населения юго-западной Туркмении. Дальнейшее изучение путей развития и формирования общенациональной туркменской культуры — дело ближайшего будущего.

---

¹² Это влияние, к сожалению, сказывается не только в заимствовании положительных черт; атабайцы воспринимают и некоторые вредные обычаи, с которыми следует бороться.

2011/1
ДТ
ИФ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ
СООБЩЕНИЯ

XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

Б. В. АНДРИАНОВ, Г. П. ВАСИЛЬЕВА

ПОКИНУТЫЕ ТУРКМЕНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ XIX ВЕКА В ХОРЕЗМСКОМ ОАЗИСЕ

Изучение покинутых туркменских поселений XIX в. Куния-Ургенчского и Ленинского районов Ташаузской области проводилось в 1955 г. двумя отрядами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции — Дарьялыкским археолого-топографическим (под руководством Б. В. Андрианова) и Туркменским этнографическим (под руководством Г. П. Васильевой). Первый отряд обследовал покинутые туркменские поселения в зоне сухого русла Дарьялык к западу от Куния-Ургенча, начиная от окрестностей колхоза «Большевик» до колодца Ер-бурун. Туркменский этнографический отряд посетил урочище Уз и северную часть Ленинского района — территории, называвшиеся в прошлом Ханабад, — произвел обмеры и собрал опросные данные о покинутых поселениях (см. рис. 1).

В XIX в. основным населением этих территорий были туркмены йомучи, емрели, карадашлы и некоторых других племен. Об этом говорят туркменские предания, собранные в прилегающих к покинутым землям колхозах, а также литературные и картографические источники. На рубеже XVIII—XIX вв. в дельте Аму-Дарьи произошло значительное обводнение западных районов, мощный проток Лаудан прорвался в Айбугирскую низменность. Воды Лаудана были отведены несколькими каналами в русло Дарьялыка, на берегах которого туркмены йомуды восстановили некоторые средневековые каналы и оросили значительные площади. Они возвели целый ряд плотин, в том числе плотину Еген-клыч недалеко от развалин Вазира¹. По обе стороны этой плотины на берегах русла йомуды-машрык, бага, бехельке и коджук построили большие укрепления — Машрык-Сенгир, Каладжик, Бенам-Калады и другие. Народные предания связывают строительство этих укреплений с периодом резкого обострения туркменско-казахских взаимоотношений в начале XIX в.²

Обводнение западных протоков Аму-Дарьи было использовано хивинскими правителями для значительного увеличения государственных («пад-

¹ В работе «История орошения Хорезма» (Ташкент, 1957) Я. Г. Гулямов, основываясь на показаниях хивинского летописца Байли, приписывает строительство этой плотины центральной хивинской власти. Однако археологическое и топографическое обследование показало, что плотина фортификационно связана с туркменскими укреплениями. Это убеждает нас в том, что плотина была построена туркменами; об этом же говорят и полевые этнографические материалы (см. полевые записи Г. П. Васильевой 1956 года).

² Со временем казахско-туркменских столкновений в начале XIX в. связывает постройку этих укреплений и этнограф В. Г. Моткова («Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.». Ашхабад, 1954, стр. 274).

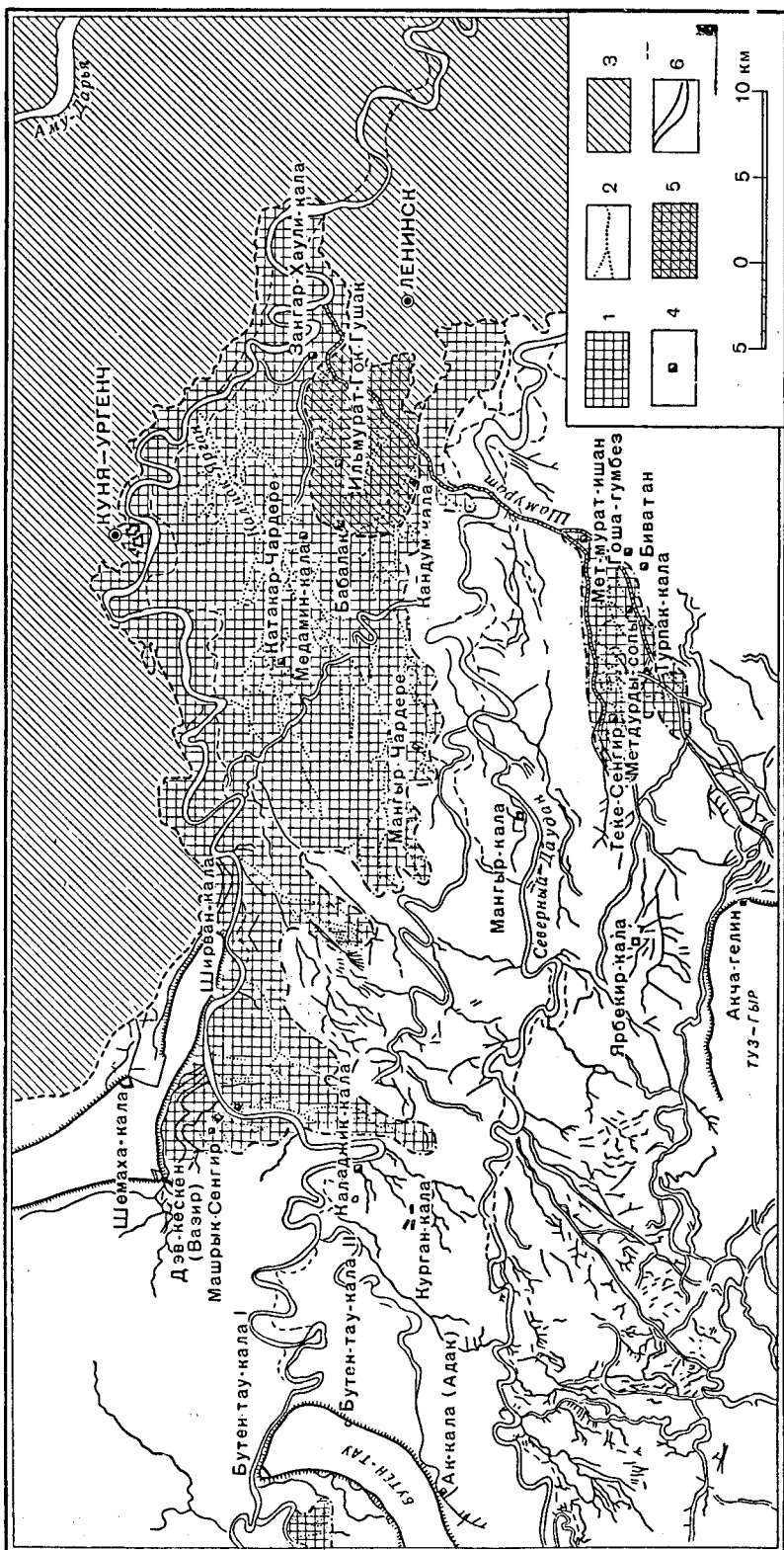

Рис. 1. Схематическая карта территорий покиннутых туркменских поселений XIX в. (Ташаузская область Туркменская ССР):

1 - территория покиннутых туркменских поселений; 2 - туркменские каналы; 3 - современная культурная зона; 4 - туркменские памятники, обследованные экспедицией; 5 - недавно освоенные земли древнего орошения; 6 - древние сухие русла и каналы.

шалычных») орошенных земель в междуречьи Дарьялык-Даудан. В 30—40-х годах трудом каракалпакских и узбекских земледельцев воды протока Лаудан были направлены в реконструированную средневековую систему каналов (Шамурат, Сипай-яб, Калпак-ярган и др.). Лучшие земли вдоль обводненных каналов были розданы хивинским сановникам, остальные — нукерам, туркменам и безземельным узбекам (беватон). Туркмены получили землю преимущественно в хвостовых частях каналов. Вся вновь орошенная территория стала называться Ханабад.

Наделение туркмен земельными участками в хвостовых частях оросительных систем, обычно практиковавшееся хивинскими ханами, ставило туркмен в неблагоприятные условия по сравнению с другими земледельческими народами Хорезма — узбеками и каракалпаками, вызывало их недовольство, а иногда и открытые возмущения. В случае неповиновения туркмен, каналы, орошавшие их поля, перекрывались. Так, вследствие восстания йомудов в 1855—1856 гг. земли Ханабада по распоряжению хивинского хана были лишены воды; началось постепенное запустение оазисов и в первую очередь Узского — последнего в системе оазисов по Шамурату. По рассказам информаторов, вода доходила до Узаа один раз на протяжении 3—5 лет, а позднее еще реже; в конце XIX в. Уз был оставлен земледельцами окончательно. Для разжигания национальной розни ханы освобождали туркмен-нукеров от ирригационных хошарных работ, заставляя узбеков очищать каналы, орошающие их земли.

Обследованные отрядами Хорезмской экспедиции покинутые туркменские поселения по характеру построек, внешнему облику и внутренней планировке усадеб могут быть подразделены на три группы, совпадающие с их территориальным расположением.

I. Туркменские усадьбы (хоули) урочища Уз включают в себя комплекс жилых и хозяйственных построек, обнесенных высокой глинобитной стеной. Усадьбы различны по своим размерам и группируются в небольшие селения, объединяющие хозяйства одного рода. Таковы селения карадашлинцев и емрелинцев на юге Узаа, йомудов укёр и айлак (оба подразделения рода салак) на севере и северо-западе урочища, йомудов рода коджук в центре Узаа и другие. Внешний облик усадеб — маленьких крепостей с высокими стенами, иногда с ложными башенками (кунгре) и большими воротами, — а также планировка и внутреннее оформление в целом характерны для Хорезма и сохраняют древне-хорезмские архитектурные традиции (рис. 2 и 3). Однако в туркменских усадьбах Узаа наблюдается также ряд своеобразных черт, характерных для туркмен и роднящих их с современным туркменским жилищем. Большинство владельцев туркменских усадеб этого района служило нукерами в войске хана.

Наряду с туркменскими усадьбами XIX в., в Узае сохранились остатки более ранних поселений — Теке-Сенгир, поселение в местности Биватан и др.

II. Усадьбы центральной части канала Шамурат (рис. 4) и к северу от него, так же как и в урочище Уз располагались отдельными родовыми группами. Они принадлежали туркменам-земледельцам из различных родов йомудов — бага, коджук, окуз, машрик и др., в хозяйстве которых скотоводство, видимо, играло весьма значительную роль. Об этом можно судить по планировке усадеб, в которых основное место занимают помещения для скота.

Преобладающая часть земель этого района принадлежала крупным узбекским феодалам, которые сдавали земли в аренду туркменам.

III. Основным типом поселений в бассейне Дарьялыка являются глинобитные укрепления — сенгир, внутри которых сохранились остатки

a

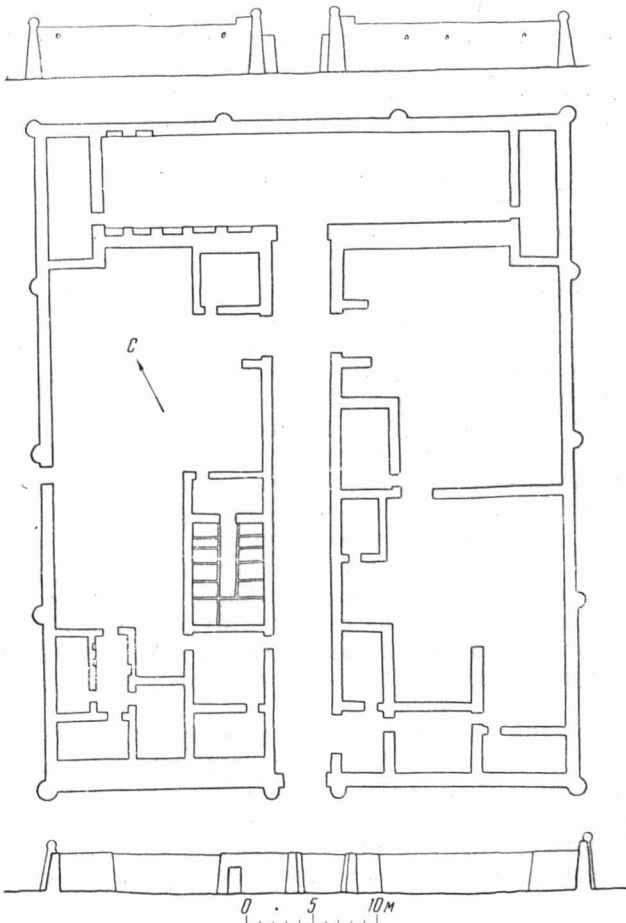
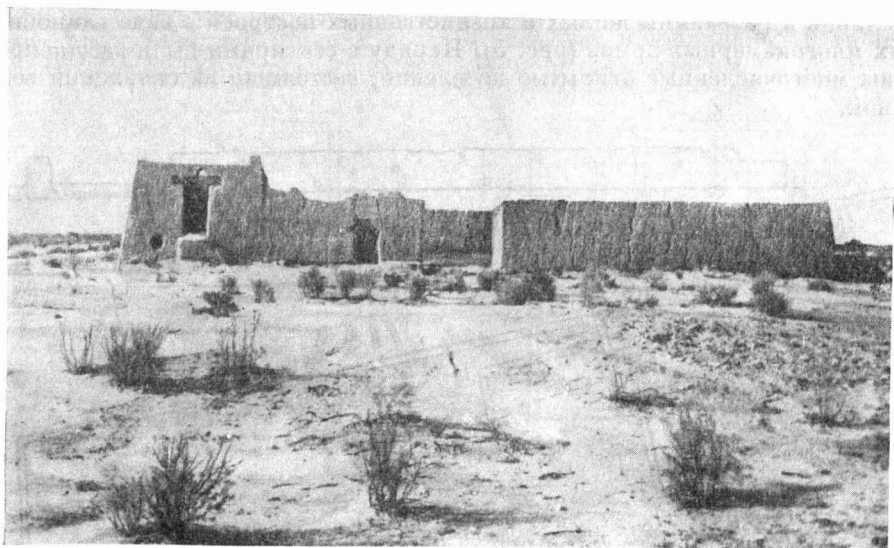

Рис. 2. Усадьба туркмена-емрели (урочище Уз):
a — главный вход; *b* — план усадьбы.

б

a

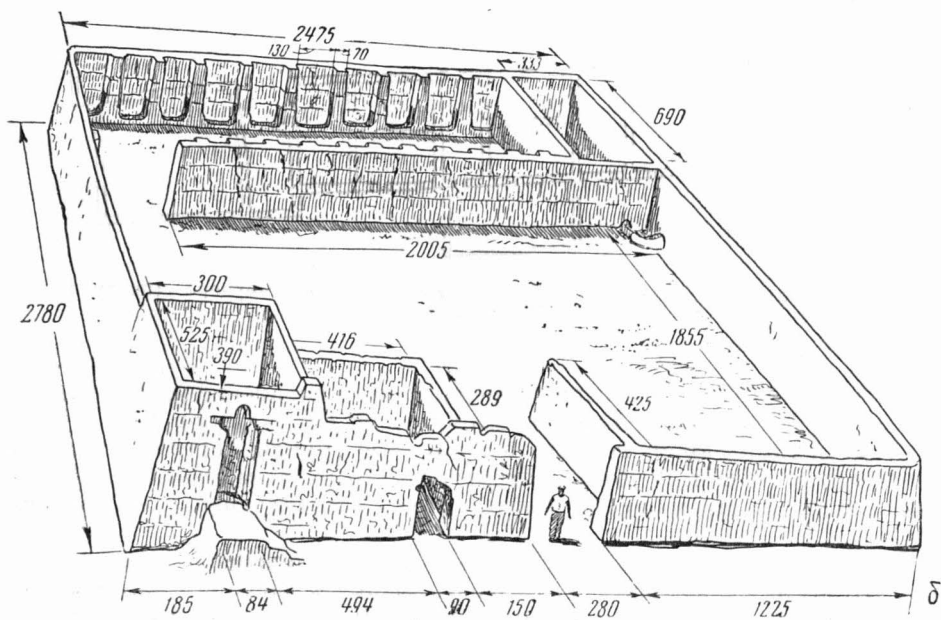

Рис. 3. Усадьба туркмена коджука (урочище Уаз):
 а — внешний вид; б — перспективный план.

землянок и развалины жилых и хозяйственных построек в виде глинобитных многокамерных домов (рис. 5). Наряду с сенгирами были зафиксированы многочисленные открытые поселения, состоящие из скоплений землянок.

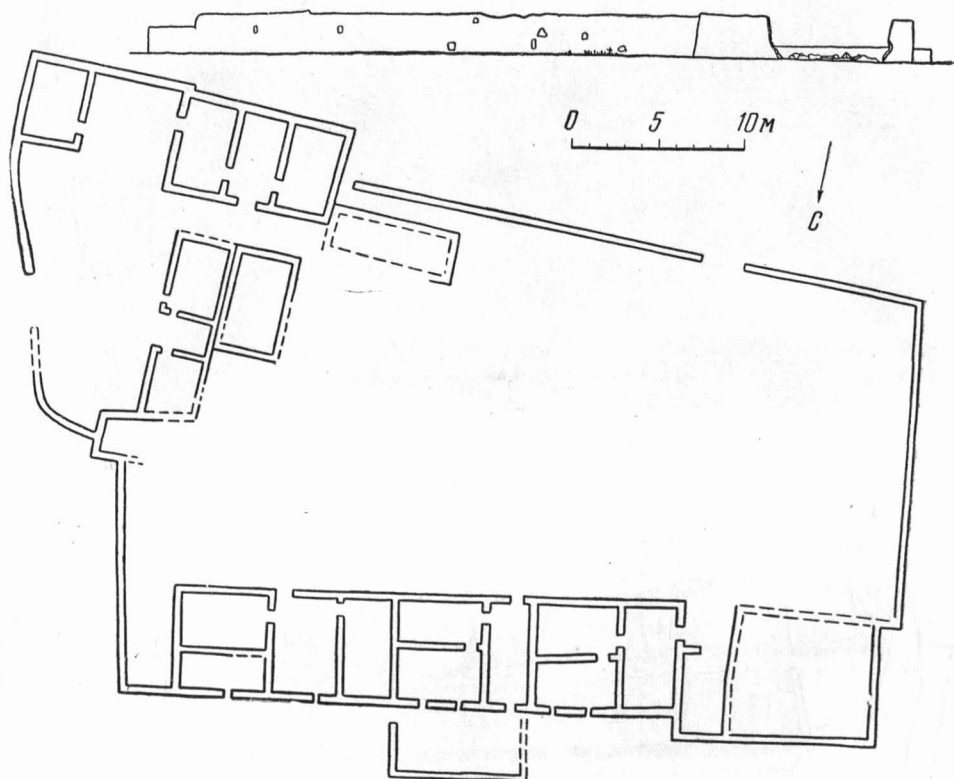

Рис. 4. План усадьбы туркмена около крепости Мангыр-Чардере (центральный район Шамурата).

Характер материальных памятников, а также хивинские хроники и народные предания свидетельствуют о том, что по Дарьялыку в XIX в. располагались самые «неспокойные» полукучевые группы хорезмских туркмен-йомудов (машрык, бага, бехельке и др.), отказывавшиеся платить налоги и стремящиеся выйти из-под власти хивинских правителей.

Окрестности туркменских поселений были интенсивно распаханы и покрыты полями и бахчами, пересечены арыками и каналами, которые базировались на Дарьялыке (рис. 6). Оросительные системы характеризовались большим разнообразием: начиная от больших водоподъемных плотин (например, Егенклыч у Машрык-Сенгира), головных сооружений с полуплотинами и разветвлениями, топографически включенными в общую систему обороны сенгиров, каналов с резервными водоемами, и кончая агро-ирригационными планировками различных форм и размеров.

Археолого-этнографические изыскания на покинутых туркменских поселениях дают обширный материал для изучения ряда вопросов истории

культуры народов Хорезма, в частности для освещения истории хозяйства, ирригационной техники, оседлого жилища и социальных отношений у различных групп хорезмских туркмен перед революцией.

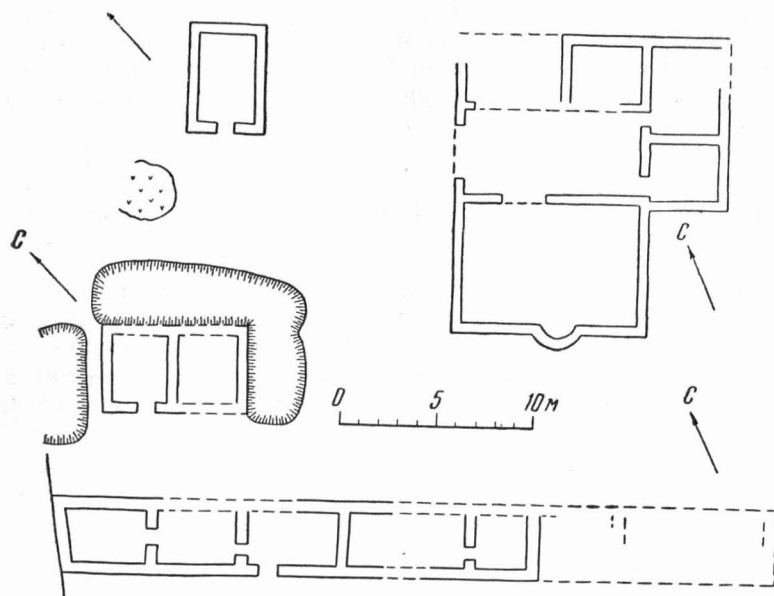

Рис. 5. Крепость Машрык-Сенгир. Типы жилых домов.

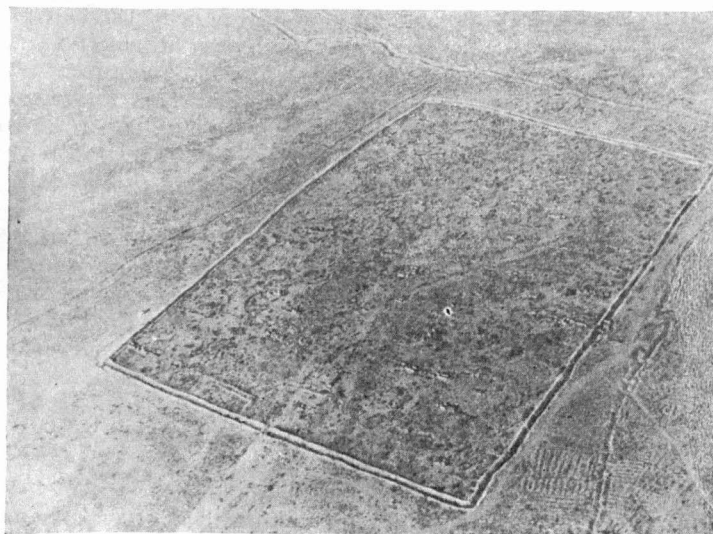

Рис. 6. Общий вид с самолета крепости Машрык-Сенгир и полей, расположенных вокруг нее.

Археологическое изучение покинутых туркменских поселений Ташаузской области Туркменской ССР было подкреплено сбором историко-этнографических сведений среди потомков прежних обитателей этих мест.

Старики-информаторы хорошо помнят былой родоплеменной состав населения, занятия и социально-экономические взаимоотношения в прошлом, что позволяет «оживить» памятники материальной культуры XVIII—XIX вв., увязать их с бытом различных групп туркменского населения.

В туркменских усадьбах Уаза можно проследить преемственность архитектурных традиций (в планировке, во внешнем и внутреннем облике) от раннесредневековой архитектуры Хорезма к современному туркменскому жилищу. Хорошо сохранившиеся на берегах Дарьялыка и в урочище Уаз туркменские оросительные сооружения имеют очень много общего с древнехорезмской и, особенно, со средневековой ирригацией Хорезма.

Все это дает новый материал для подтверждения выводов С. П. Толстова о тесных исторических связях предков современных хорезмских туркмен с древними обитателями Хорезма.

Опыт изучения покинутых туркменских поселений Ташаузской области показал, что комплексные археолого-этнографические исследования памятников XVIII—XIX вв. помогают заполнить существующий пока в Средней Азии разрыв между археологическими и этнографическими материалами, освещающими историю культуры среднеазиатских народов.